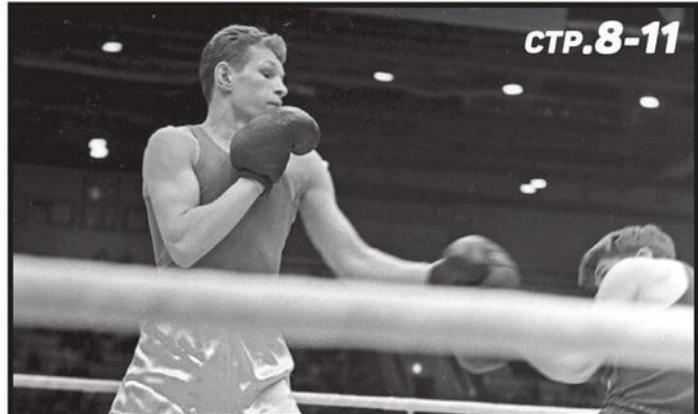

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР. 8-11

ЧЕМПИОН

СТР. 20

СТЕСНИТЕЛЬНАЯ
ДЕВЧОНКА,
СТАВШАЯ ЗВЕЗДОЙ
PLAYBOY

СТР. 4-7

НАТАЛЬЯ
И МАРСЕЛЬ

СТР. 14-17

49 СТРАШНЫХ ДНЕЙ

49 СТРАШНЫХ ДНЕЙ

Геннадий Норд

Шестьдесят три года назад эта четверка была популярнее ливерпульского квартета. О парнях с Дальнего Востока писали и говорили по всему миру. Но музыка легендарных Beatles жива и поныне, а слава Аската Зиганшина, Анатолия Крючковского, Филиппа Поплавского и Ивана Федотова осталась в прошлом.

Их имена помнят сегодня лишь люди старшего поколения. Молодым же нужно от чистого листа рассказывать, как 17 января 1960 года баржу «Т-36» с командой из четырех солдат-срочников унесло от курильского острова Итуруп в открытый океан, в эпицентр мощного циклона.

Предназначенное для каботажного плавания, а не для океанских походов суденушко 49 суток болталось по волне волн, преодолев в дрейфе около полутора тысяч морских миль. На борту с самого начала почти не было еды и воды, но парни устояли, не потеряв человеческий облик.

В настоящее время в живых из участников беспримерного рейда никого уже нет. Почти восемь лет назад незадолго до хода удалось поговорить с одним из героев, проживавшим тогда в Стрельне под Петром Аскатом Зиганшиным.

- Похоже, те сорок девять дней - главное, что было в вашей жизни?

- Может, и хотел бы забыть о походе, так ведь напоминают постоянно! Хотя сейчас внимание далеко не то, что прежде. В 1960 году дня не проходило, чтобы мы где-нибудь не выступали - на заводах, в школах, институтах. Обошли почти все корабли Черноморского флота, Балтийского, Северного...

Со временем попривык говорить со сцены, везде рассказывал примерно одно и то же, даже не задумываясь. Как стишок читал.

- И мне прочтите?

- Вам могу прозой. Раньше приходилось все же немного приукрашивать, округлять детали, подплускать пафос. Действительность не так романтична и красива, в жизни все скучнее и банальнее. Пока дрейфовали, ни страха не было, ни паники. Не сомневались, что обязательно спасемся. Хотя и не думали, что проведем в океане почти два месяца. Если бы дурная мысль забралась в голову, дня не прожили бы. Прекрасно понимал это, сам не раскипал и ребятам не давал, пресекая любые пораженные настроения. В какой-то момент Федотов пал духом, стал срываться на крик, мол, хана, никто нас не ищет и не найдет, но я быстро менял пластинку, переводил разговор на другое, отвлекал.

В нашей команде было два украинца, русский и татарин. У каждого свой характер, манера поведения, но, поверьте, до ссор ни разу не доходило. С мотористами Поплавским и Крючковским я служил второй год, Федотов знал хуже, он пришел из учебки, и почти сразу попал на нам вместо загремевшего в лазерет матроса Володи Духникона: тот наглотался угарного газа из печки-буржуйки. В начале дрейфа Федотов держал топор под подушкой. На всякий случай. Может, опалася за жизнь...

- Как все начиналось?

- Оборудованных причалов на Итурупе отродясь не водилось. В заливе Касатка суда привязывали к рейдовыми бочкам или мачте затопленного японского корабля. Жили мы не в поселке Буревестник, где базировался наш отряд, а прямо на барже. Так было удобнее, хотя на борту особо не развернешься: в кубрике помещались лишь четыре койки, печка да переносная радиостанция РБМ.

В декабре 59-го все баржи уже вытащили тракторами на берег: начинялся период сильных штормов - в заливе от них не укрыться. Да и ремонт кое-какой предстоял. Но тут пришел приказ о срочной разгрузке рефрижератора с мясом. «Т-36» вместе с «Т-97» опять спустили на воду.

Наша служба и состояла в том, чтобы перебрасывать на сушу грузы со стояв-

На авианосце в первые дни после спасения

ших на рейде больших кораблей. Обычно на барже был запас продуктов - галеты, сахар, чай, тушеника, сгущенка, мешок картошки, но мы готовились к зимовке и все перенесли в казарму. Хотя по правилам на борту полагалось держать НЗ на десять суток.

Около девяти утра шторм усилился, трюс оборвался, нас понесло на скалы, но мы успели сообщить командование, что вместе с экипажем «Т-97» попробуем укрыться на восточной стороне залива, где ветер тише. После этого рацию залило, и связь с берегом пропала.

Старались держать вторую баржу в поле зрения, но в снегопад видимость упала почти до нуля.

В семь вечера ветер резко переменился, и нас потащило в открытый океан. Еще часа через три мотористы доложили, что запасы топлива в дизелях на исходе. Я принял решение выброситься на берег. Шаг рискованный, но выбора не оставалось. Первая попытка оказалась неудачной: столкнулись со скалой под называнием Чертова сопка. Чудом не разбились, смогли проскочить между камней, хотя

пробоину получили, вода стала затапливать машинное отделение. За скалой начинялся песчаный берег, на него я и направил баржу.

Мы почти дошли, уже касались днищем грунта, но тут закончилась солирка, двигатели заглохли, и нас занесло в океан.

- А если вплавь?

- Самоубийство! Вода ледяная, высокая волна, минусовая температура. И пару минут не продержались бы на поверхности. Да нам и мысль в голову не приходила о том, чтобы бросить баржу. Разве можно разбазаривать казенное имущество?

Стать на якорь при таком ветре не получилось бы, да и глубина не позволяла. К тому же на барже все обледенело, цепи замерзли. Словом, ничего не оставалось, как смотреть на исчезающий видели берег. Снег продолжал идти, но в открытом океане волна чуть снизилась, не так трепала.

- Было страшно?

- Страха мы не испытывали, нет. Все силы бросили на откапку воды из машинного отделения. С помощью домкрата затянули пробину, устранили текуч. Утром, когда рассвело, первым делом проверили, что у нас с едой. Буханка хлеба, немного гороха и пшенца, ведро перемазанной мазутом картошки, банка с жиром. Плюс пара пачек «Беломора» и три коробка сливок. Вот и все богатство. Пятилитровый бачок с питьевой водой разбился в шторм, или техническая, предназначенная для охлаждения дизелей. Она была ржавая, но главное - пресная!

Сперва рассчитывали, что нас быстро найдут. Или ветер перемениется, пригнит баржу к берегу. Тем не менее, я сразу ввел жесткие ограничения по еде и воде. На всякий случай. И оказался прав.

- Сам стал готовить?

- В обычных условиях командир не должен стоять на камбузе, это обязанность рядовых, но на второй или третий день Федотов стал кричать, что мы умрем с голода, вот ребята и попросили, чтобы я взял всё в свои руки, контролировал ситуацию.

- Вам доверили больше, чем себе?

- Наверное, им так было спокойнее. Ели раз в сутки. Каждому доставалось по кружке супа, который я варил из пары

В Сан-Франциско

картофелин и ложки жира. Еще добавлял крупу, пока не закончилась. Воду пили трижды в день - по крохотному стаканчику из набора для бритья. Но вскоре и эту норму пришлось урезать вдвое.

На такие меры экономии я решился, случайно обнаружив в рубке обрывок газеты «Красная Звезда», где сообщалось, что в указанном районе Тихого океана Советский Союз будет проводить запуски ракет, поэтому из соображений безопасности до начала марта там запрещено появляться любым судам - гражданским и военным. Я заметке прилагалась схематичная карта региона. Мы с парнями по звездам и направлению ветра прикинули и поняли, что дрейфует акурат в эпицентр ракетных испытаний. А значит, была вероятность, что нас искать не станут.

- Так и получилось?

- Да, так потом и оказалось. Но мы-то надеялись на лучшее, не знали, что на вторую же день на берег Итурупа выбросило спасательный круг с нашей баржи и разбитый ящик из-под угла с бортовым номером «Т-36». Обломки нашли и решили, что мы погибли, налетев на скалы. Родным командование отправило телеграммы: так, мол, и так, ваши сыновья пропали без вести.

- Может, никто и не думал напрягаться, организовывая масштабные поиски? Из-за несчастной баржи отменять пуск ракет? Успешные испытания для страны были гораздо важнее четырех исчезнувших солдат.

- А мы продолжали дрейфовать. Мысли все время крутились вокруг еды. Я стал варить суп раз в два дня, используя одну картофелину. Правда, 27 января в свой день рождения Крючковский получил повышенный паек. Но Толя отказался в одиночку есть дополнительную порцию и пить воду. Мол, именинный торт делают между всеми гостями, поэтому угощайтесь!

Как ни пытались растянуть припасы, 23 февраля закончились последние. Такой вот праздничный обед в честь Дня Советской Армии получился.

- Кто-нибудь пытался что-нибудь прикармнить?

- Знаете, за все время никто не попытался стащить что-то с общего стола, урвать лишний кусок. Да это не получилось бы, если честно. Все было наперечет. Пробовали есть мыло, зубную пасту. С голодухи всё сгодится! Чтобы не думать без конца о хратве и не сидеть с ума, я старался загрузить ребят работой. В начале рейда недели две - день за днем! - пытались вычерпывать воду из трюма. Под ним располагались цистерны с топливом, теплилась надежда: вдруг там осталась солярка, и мы сможем запустить двигатели.

В светлое время суток гремели ведра-ми, сколько было сил, в темноте открывать люк не решались, чтобы не допустить разгерметизации отсека, а за ночь забортная вода опять накапливалась - осадка-то баржи чуть выше метра. Сизифов труд! В итоге добрались до горловин цистерн, заглянули внутрь. Увы, топлива не обнаружили, лишь тонкую пленку на поверхности. Задраили все наглухо и больше туда не совались.

- Счет дням вели?

- У меня были часы с календарем. Поначалу даже катерный журнал заполнял: настроение экипажа, чем кто занимался. Потом писать стал реже, поскольку ничего нового не происходило, болтались где-то в океане, да и всё.

Спасли нас 7 марта, а не 8-го, как мы решили: просчитались на сутки, позабыв, что год высокосный, и в феврале 29 дней.

- С ума не сходили?

- Лишь на последнем отрезке дрейфа потихоньку начали отъезжать «крыши», пошли галлюцинации. Мы почти не выходили на палубу, лежали в кубрике. Сил совсем не осталось. Пытаешься подняться, и словно получаешь удар обухом по лбу, чернота в глазах. Это от физического истощения и слабости. Голоса какие-то слышали, звуки посторонние, гудки кораблей, которых в действительности не было.

- А рыбу не пробовали ловить?

- Пробовали. Пока могли шевелиться. Точили крючки, мастерили примитивные снасти. Но океан бушевал почти без перерыва, за все время ни разу не клонуло. Какая дура полезет на ржавый гвоздь? А мы и медузу съели бы, если бы вытащили. Правда, потом вокруг баржи стали кру-

жить стаи акул. Метра по полтора в длину. Мы стояли и смотрели на них. А они - на нас. Может, ждали, что кто-нибудь за борт без сознания свалится?

К тому времени мы уже съели ремешок от часов, кожаный пояс от брюк, взялись за кирзовую сапоги. Разрезали голенище на кусочки, долго кипятили в океанской воде, вместо дров используя кранцы, автомобильные покрышки, прикованные цепями к бортам. Когда кирза чуть размякла, начинали жевать ее, чтобы хоть чем-то живот набить. Иногда обжаривали на сковородке с техническим маслом. Получалось что-то вроде чипсов.

- В русской народной сказке солдат кашу из топора варили, а вы, значит, из сапога?

- А куда деваться? Обнаружили кожу под клавишами гармошки, маленькие кружочки хрома. Тоже съели. Я предложил:

- Давайте, ребята, считать это мясом высшего сорта.

- Животы не болели?

- Поразительно, но даже расстройства желудка не маялись. Молодые организмы все переваривали!

- А паники?

- До самого конца не было ни паники, ни депрессии. Уже потом механик пассажирского теплохода «Кунин Ээри», на котором мы после спасения плыли из Америки в Европу, рассказывал, что оказывался в подобной ситуации: его судно в сильный шторм на две недели осталось без связи. Из тридцати человек экипажа несколько погибли. Не от голода, а из-за страха и постоянных драк за пищу и воду. Да разве мало случаев, когда моряки, оказавшись в критической ситуации, с ума сходили, бросались за борт, съедали друг друга?

- Как вас нашли американцы?

- Первый корабль мы заметили только на сороковые сутки. Далеко, почти на горизонте. Махали руками, кричали - без толку. Тем же вечером увидели огонек в отдалении. Пока разводили костер на палубе, судно скрылось вдалеке. Еще через неделю мимо прошли два корабля - тоже безрезультатно. Последние дни дрейфа были очень тревожными. У нас оставалось полчайника пресной воды, один сапог да три спички. С такими запасами противостоять бы пару суток, вряд ли больше.

7 марта услышали какой-то шум спаружки. Сначала решили: опять галлюцинации. Но не могли же они начаться одновременно у четырех? С трудом выбрались на палубу. Смотрим - над головами кружат самолеты. Набрасыли на воду сигнальных ракет, пометили район. Потом вместо самолетов появились два вертолета. Спустились низко-низко, кажется, руки дотянутся можно.

Тут уже мы окончательно поверили, что мучения конец, помощь пришла. Стоим, обнявшись, поддерживаем друг друга.

Из ликов высунулись пилоты,бросили веревочные трапы, показывают знаками, как подниматься, что-то кричат нам, а мы хдем, когда кто-нибудь спустится на баржу, и я как командир поставлю свои условия:

- Дайте продукты, топливо, карты, и мы сами домой доберемся.

Окончание на с. 16

Автографы, автографы

Торжественная встреча

Окончание. Начало на с.15

Так и переглядывались: они - сверху, мы - снизу. Вертолеты повисели-повисели, топливо кончились, они улетели. Их сменили другие. Картина та же: американцы не спускаются, мы не поднимаемся. Смотришь, авианосец, с которого вертолеты взлетели, разворачивается и начинает удаляться. И вертолеты следом.

- Может, американцы подумали, что русским нравится болтаться посередине океана?

- В этот момент мы по-настоящему струхнули. Поняли: сейчас сделают нам ручкой и - тю-тю. Хотя даже тогда мысли не было, чтобы бросить баржу. Пусть хоть на борт к себе поднимают! Из последних сил начали подавать американцам знаки, мол, дураки сваяли, не бросайте на погибель, заберите. К счастью, авианосец вернулся, подошел поближе, с капитанского мостика на ломаном русском нам прокричали:

- Pomech vam! Pomech!

И опять вертолеты в небо подняли. На этот раз мы не заставляли себя уговаривать. Я влез в спущенную на палубу люльку и первым поднялся на борт вертолета. Мне сразу сунули в зубы сигарету, я с удовольствием закурил, чего не делал много дней. Потом и ребят подобрали с баржи.

- Покорили?

- На авианосце тут же повели на коремажку. Налили по миске бульона, дали хлеб. Мы взяли по небольшому кусочку. Показывают: берите еще, не стесняйтесь. Но я парней сразу предупредил: хорошо - понемногу, поскольку знал, что с голодухи нельзя обжираться, это плохо заканчивается. Все-таки вырос в Поволжье в послевоенное время...

- Наверное, до сих пор не оставляете в тарелке несъеденный кусок, выбираете до крошки?

- Наоборот, во вкусах я привередлив: то не ем, это не хочу. Скажем, вареные овощи так и не попробил - морковку, капусту, свеклу. Страха голода у меня не было, и нет.

- Что дальше было на авианосце?

- Американцы выдали чистое белье, бритвенные приборы, отвели в душ.

Встреча с режиссером Михаилом Роммом и сценаристами Владимиром Тендряковым, Юрием Бондаревым и Григорием Баклановым

Только я начал мыться и рухнул без сознания. Видимо, организм 49 суток работал на пределе, а тут напряжение спало, и сразу такая реакция.

Очнулся через три дня. Первым делом поинтересовался, что с баржей. Санитар, присматривавший за нами в корабельном лазарете, лишь плечами покачал. Тут у меня настроение и упало. Да, здорово, что живы, но кого мы обязаны благодарить за спасение? Американцев! Если не злых врагов, уж точно не друзей. Отношения у СССР и США в тот момент были не ахти. Холодная война! Словом, впервые за все время я откровенно сдрейфил. На барже так не былося, как на американском авианосце. Остерегалась провокаций, опасалась, что нас в Штатах оставят, не разрешат вернуться домой. А если отпустят, что ждет в России? Не обвинят ли в измене Родине? Я же советский солдат, комсомолец и вдруг попал в пасть акулам мирового империализма...

Сказать по совести, американцы отнеслись к нам исключительно хорошо, даже специально вареники с творогом сварили, о которых мы мечтали на барже. Коком на авианосце служил потомок эмигрантов с западной Украины, он знал толк в национальной кухне. И всё же в первые дни после спасения я всерьез подумывал о самоубийстве, примерялся к иллюминатору, хотел выброситься. Или на трубе повеситься.

- А, правда, что к вашим родителям приходили с обыском, пока вы дрейфовали?

- Об этом я узнал через 40 лет! В 2000 году пригласили в родные края, в Самарскую область, устроили что-то вроде торжества по случаю юбилея плавания. В районном центре Шентала ведь и улица моего имени есть.

После окончания официальной части ко мне подошла женщина и, сильно смущаясь, попросила прощения за мужа-миллионера, который вместе с осо-

бистами в 1960-м шастал у нас в доме по чердакам да подвалам. Наверное, думали, что мы с ребятами дезертировали, уплыли на барже в Японию. А я и не догадывался об обыске, родители ничего тогда не сказали. Они всю жизнь были скромными людьми, тихими. Я самый младший в семье, еще были две сестры и брат.

- А как родные узнали, что вы не погибли?

- Что я нашелся, не погиб и не пропал без вести, в марте 1960-го родные услышали по «Голосу Америки». Точнее, не они сами, а соседи прибежали и сказали, мол, про вашего Витку по радио передают. Асхатом меня звали только домашние, а остальные именовали Виктором. И на улице, и в школе, и потом в армии.

- То есть американцы сообщили ин-формацию о вас?

- Американцы сразу сообщили, что выловили в океане четверых русских солдат, а наши власти неделю решали, как реагировать на новость, что с нами делать. Вдруг мы предатели или перебежчики? Лишь на девятый день, 16 марта, в «Известиях» на первой полосе появилась заметка «Сильнее смерти».

К этому времени мы успели дать пресс-конференцию. Прямо на борту авианосца. С Гавайских островов прилетел переводчик, неплохо знаящий русский, с ним - несколько десятков журналистов. С телекамерами, фотоаппаратами, прожекторами. А мы - деревенские парни, для нас это всё дико. Может, поэтому и разговор получился коротким. Посадили нас в президентский, мороженое каждому принесли. Какой-то корреспондент спросил, говорим ли по-английски. Вскочил Поллапски:

- Thank you!

Все рассмеялись. Потом поинтересовались, откуда мы родом, из каких мест. Ребята ответили, я тоже сказал, и вдруг у меня из носа ручьем хлынула кровь. Наверное, от волнения или перенапряжения. Ни том пресс-конференция и закончилась, толком не начавшись. Отвели обратно в каюту, поставили у дверей часовых, чтобы никто без спросу не ломился.

Правда, в Сан-Франциско, куда мы прибыли на девятые сутки, пресса свое наверстало, сопровождала на каждом шагу. О нас и по американскому телевидению рассказывали. Я раньше про это чудо техники лишь слышал, а тут включай - идет сюжет о нашем спасении. Мы обросшие, исхудавшие. Я почти 30 килограммов сбросил, и ребята прокликали «Фокус»: становились втроем и обхватывали себя одним солдатским ремнем.

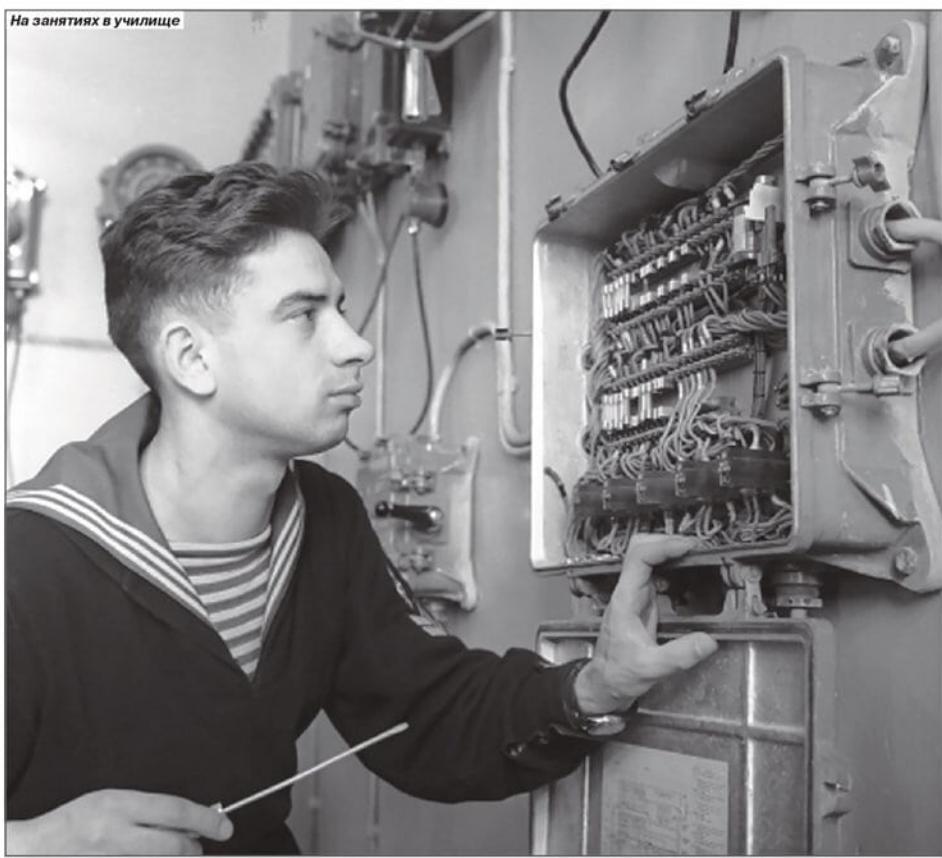
- Как вас принимали в Америке?

- По высшему разряду! Мэр Сан-Франциско подарил символические ключи от города, произвел в почтенных жития. Ко мне потом в Союзе девушки долго приставали с расспросами:

- Аправда, что ключ золотой?

Не станешь ведь объяснять: нет, деревянный, золотистой краской покрытый.

На занятиях в училище

В посольстве нам выдали по сто долларов на карманные расходы. Я набрал подарков маме, отцу, сестрам. Себе ничего не взял. Отвели в модный магазин и приодели: купили каждому пальто, костюм, шляпу, галстук. Правда, в узких брюках и остроногих туфлях дома я ходить не решился, но понравилось, что стали обывать стильной. Брюки отдал брату, а ботинки - Крючковскому. Тот родным отправил. Еще нам подарили яркие трусы с ковбоями. Сейчас бы запросто носил, а тогда дико стеснялся. Потихоньку запихнул за батарек отопления, чтобы никто не видел.

По пути из Сан-Франциско в Нью-Йорк каждому подарили в самолете по шкатулке виски. Я пить не стал, привез домой, брату отдал. Кстати, на авиасоюзе был забавный эпизод, когда переводчик принес нам две бутылки русской водки. Говорят: по вашей просьбе. Мы сильно удивились, а потом посмеялись. Видимо, хозяева перепутали водку и водку.

- Остаться за океаном не предлагали?

- Спрашивали аккуратно, не боимся ли возвращаться. Мол, если хотите, предоставим убежище, условия создадим. Мы категорически отказывались. Боже упаси! Советское патриотическое воспитание. Приняли потом и говорили: эти четверо прославились не тем, что гармошку смыли, а что в Штатах не остались.

- А как встретили в СССР?

- В Москве в первые дни опасался, как бы не упекли на Лубянку, не упрыгали в Бутырку, не начали пытать. Но в КГБ нас не вызывали, допросов не устраивали, наоборот, встретили у трапа самолета с цветами. Вроде бы даже звание Героев Советского Союза хотели дать, но все ограничились орденами Красной Звезды. Мы этому были рады.

- А за границей вы потом бывали?

- В Болгарию. Два раза. Ездил в Варну в гости к знакомому, жил у него с женой. Но это уже значительно позже. А тогда, в 1960-м, у нас началась веселая жизнь. Когда привезли в Москву, нам выдали программу: в девять утра быть в Доме радио, в одиннадцать - на телевидении на Шаболовке, в два часа - встреча с пионерами на Ленинских горах.

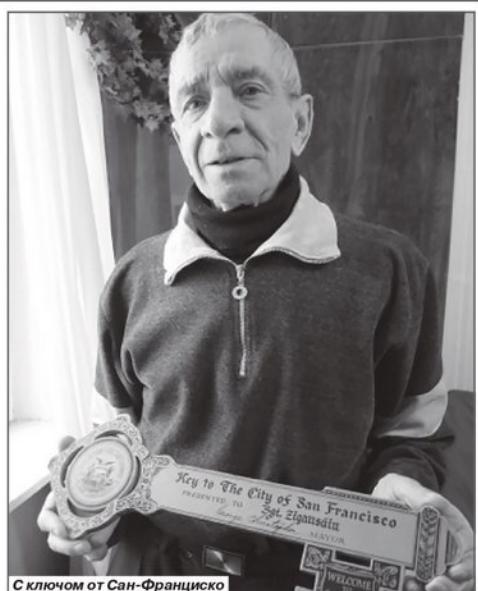
Помню, ехали по городу, а вдоль улиц - плакаты: «Слава отважным сыновам нашей Родины!»

Утром у гостиницы ЦДСА садились в присланную машину, вечером возвращались в свои номера. Никакого инструктажа, о чем говорить. Каждый рассказывал, что хотел.

Нас принял министр обороны маршал Малиновский. Подарил всем штурманские часы, чтобы больше не заблудились, присвоил мне звание старшего сержанта, дал каждого двухнедельный отпуск на родину.

Погостили мы дома, встретились в Москве и отправились в Крым, в военный

С моделью баржи Т-34

С ключом от Сан-Франциско

санаторий в Гурзуфе. Опять все по первому классу! Там генералы да адмиралы отдыхали - и вдруг мы, солдаты! Номера с видом на Черное море, питание усиленное. Позагорать, правда, не получилось. Только раздевшись, туристы со всех сторон бегут с фотоаппаратами. Просят снимок на память и автограф. Уже прятаться от людей стали.

В Гурзуфе нам предложили поступать в училище ВМФ в Ломоносове под Ленинградом. Все, кроме Федотова, согласились.

- Страх перед морем не возник после полуторамесячного дрейфа?

- Абсолютно никакого! Другое волновало: у нас было по 7-8 классов образования, вступительные экзамены мы сами не сдали бы. Месяц ударно занимались с преподавателями русским языком и математикой, кое-какие пробелы в знаниях заполнили, и все же зачисление прошло в лыготном режиме. Политуправление похлопотало. И потому, откровенно говоря, учились мы так себе. «Хвосты» случались, зачеты не с первого раза сдавали. На занятиях мы ведь ходили в перерывах между выступлениями. Я даже делегатом съезда комсомола успел побывать.

- Долго вокруг вас водили короводы?

- Считай, до полета Юрия Гагарина мы шумели, а потом у страны и всего

мира появился новый герой. Конечно, мы и приблизиться не могли к его славе. Даже не пытались.

- А встречались с космонавтом номер один?

- Как-то обедали вместе. Но это нельзя считать знакомством. Правда, в модной тогда детской считалке наши фамилии стояли рядом:

**Юрий - Гагарин.
Зиганшин - татарин.
Герман - Титов.
Никита - Хрущев.**

- Про вас ведь и художественный фильм сняли?

- Да. Владимир Высоцкий написал к нему песню. Стильги и переложили на рок-н-ролльный мотив американского шлягера:

**Зиганшин-бури,
Зиганшин-рок,
Зиганшин съел второй сапог.**

Хемингуэй приветственную телеграмму мне присыпал. Лежала дома, а потом зазвякала. Письмо приходило, от Тура Хейрелда.

- Приятно было?

- Конечно, приятно, что великие люди слышали мое имя, но я понимал: мы с ребятами своей славой обязаны стечению обстоятельств. Так сложилось. Хотя и сегодня не забывают. Пару лет назад какой-то чудак написал художественную повесть «Баржа Т-36». Нафантизировал

всяких глупостей, насочинял муры! Подарили книжку, я пролистал ее и даже читать не стал. На полке в шкафу валяется.

Был момент, начал крепко выпивать. Наутили. У нас ведь как? Любая встреча заканчивается застольем. А звали часто. Сперва мое выступление, потом банкет. И отказать людям нельзя, обижаются. Но в последние 20 лет ни капли спиртного в рот не беру. Даже пиво не пью. Спасибо медицине, помогла.

- Значит, все-таки те 49 дней - главное событие жизни?

- Да, эпизод яркий, с этим не поспоришь. Но у кого-то и такого нет. Люди умирают, что называется, не родившись. И с таким вспоминать нечего, и они никто не знает.

А наша четверка, как ни крути, и после того дрейфа жила достойно. Судьба, конечно, побросала, но не сломала. Я с марта 1964 года по май 2005-го бороздил воды Финского залива. Сорок один год прослужил на одном месте. В аварийно-спасательном дивизионе Ленинградской морской базы. Суда, правда, менял. Сначала работал с пожарными, потом с водолазами. Много было разных историй.

Федотов служил в речфлоте, плавал по Амуру. Кстати, о том, что у него родился сын. Иван узнал, когда нас американский авианосец подобрал. Вернувшись в Москву и получив отпуск, сразу рванул на Дальний Восток к семье.

Поплавский, окончив училище в Ломоносове, никуда уезжать не стал, там и осел навсегда. Участвовал в экспедициях в Средиземном море, Атлантике, вел наблюдение за космическими аппаратами.

Крючковский перебрался в Киев. Всю жизнь проработал на судостроительном заводе «Ленинская кузница». В последний раз мы виделись в 2007 году. Летали на Сахалин. Сделали нам такой подарок - пригласили. Пробили недело.

- Опять штурмило?

- Не то слово! По программе планировался полет на Курилы, но аэроромад Итурупа три дня не принимали. Летчиков почти уговорили, но в последний момент они отказались, говорят, мы же не самоубийцы. Полосу на Итурупе японцы строили для камикадзе: тем важно было взлететь, о посадке не думали.

- Вы же почетный житель Стрельны?

- Да, не только Сан-Франциско. Все думают над вашим вопросом о главном событии жизни. Честно говоря, лучше бы их не было, тех сорок девять дней. Во всех смыслах - лучше. Если бы тогда нас не унесло в море, после службы вернулся бы я в родную Шенталу и продолжал бы работать трактористом. Именно тот штурм сделал из меня моряка, всю жизнь перевернул.

А с другой стороны, о чём бы мы с вами разговаривали сегодня? Нет, глупо сожалеть. Куда неслось, туда, как говорится, и вынесло.

Зиганшин в центре